

Г. БОЯДЖИЕВ

Неизвестный герой

В толпе знаменитостей прошедшего сезона мелькнула долговязая фигура неизвестного человека в черной поношенной крылатке и в цилиндре, одетом набекрень. Вновь пришедшего чикто не знал. Откуда он? Из драмы, из комедии? Лицо мертвенно-бледное, широко раскрытые глаза воспалены, а сам все время улыбается, отчаянно размахивает руками и говорит громким, веселым голосом. Он рассказывает смешную историю — на балу барышня приняла тапера за светского кавалера и разговорилась с ним, когда ошибка выяснилась, то барышня отошла в сторону, а тапер огорчился и с ним случилась истерика. Не правда ли, комично? Но знаменитые театральные герои пожалы плечами. Они не знали такой истории и не понимали в чем дело.

А дело вот в чем: актер Р. Плятт сыграл в миссенировке маленького рассказа А. Чехова «Тапер» безмяную роль. И вот об этой работе пишется статья из цикла «Лучшие роли года».

Как говорится — не велика ли честь? Нет, честь вполне заслужена.

В юбилейные дни Театр им. Моссовета показал композицию из инсценировок чеховских рассказов — спектакль получился средний и быстро сошел с репертуара. И хоть в нем были заняты хорошие актеры, но большинство из них играло неинтересно. Казалось, что актерам на сцене было так же скучно, как и публике в зрительном зале. Все понимали, что спектакль скроен на скорую руку, что это всего лишь «юбилейный отклик», и многого не требовали.

Но вот снова раздвинулся занавес, и на сцену вышел высокий, худой человек в крылатке, с мертвенно-бледным лицом и широко раскрытыми глазами. Он заговорил, и зал мгновенно очнулся от юбилейного оцепенения. Было видно, что человек только что перенес какое-то потрясение. Он физически был обессилен от тоски — сделал два-три шага по комнате и опустился на стул. Но и сидеть ему было не в мочь. Он встал и, волоча свое длинное, несуразное тело, пошел к кровати. Свалился на нее всей тяжестью и злобно пробормотал: «Спи же, скотина!» Но спать теперь не мог. Его душил смех. Он смеялся сперва тихо, потом все громче и громче, поднялся с постели — смех его так и разбирал.

До чего, чорт побери, смешная история! И тапер стал рассказывать сожителю об ошибке барышни и о своей истерике. Сейчас ему действительно было смешно. Он говорил о себе, как о другом человеке, и недоумение и истерика казались теперь пошлой чепухой. Когда с тобой самим приключится беда, ты охаешь и стенаешь, а если это же самое произойдет с соседом, то все кажется мизерным и не стоящим никакого внимания. Тапер во все горло хочет над своим злостью — ему кажется, что теперешней иронией он преодолевает свой недавний позор. И уже не стыдится его, а со всеми остальными насмехается над незадачливым музыкантом. Но странное дело, Плятт рассказывает, весело и беззаботно выкрикивая отдельные слова, хочет, всплескивая руками, а в голове тапера чувствуется странное напряжение, отдаленным эхом слышатся какие-то заунывные, сдержанные ноты, будто веселую, беззаботную мелодию глухо сопровождает печальный величественный аккомпанемент.

Тапер продолжает резвиться. Говорит смешные словечки и весело твердит: «В шею дали! В шею дали!» А руки как бы сами собой касаются клавиш рояля и неожиданно раздаются печальные ноты листовского Liebestraum — звуки мучительного страдания, тоски. Но они тут не при чем. Смех тапера их сейчас же заглушает. Он рассказывает самое милое — как барышня рассуждала о музыке, говорила, что в «Демоне» нет мелодии, а Римский-Корсаков —

барabanчик. Тапер учился в Московской консерватории, но ему приятно слушать болтовню барышни. Слушать и снисходительно смеяться. Он ей охотно играет, и они опять говорят о музыке. Наверно увлекаются, горячатся, спорят. И вдруг — скандал, оказывается, барышня заговорила не с кавалером, а с тапером — лакеем, умеющим играть.

Тапер хочет засмеяться, но смеха уже нет. Он внезапно вскидывает руки вверх и глухим, прерывистым голосом восклицает: «Мудрый Эдип, разреши?»

Но тапер разрешает не мудрый Эдип а глупая нянька. Она говорит о своей барышне (и тапер это слышит): «Увидала около фортепьяно молодца, и давай с ним балясы точить, будто с настоящим каким».

Будто с настоящим! Чеховский тапер произнес эту фразу вскользь и продолжал рассказ дальше. Он — российский обыватель 1885 года, и ему не в диковину слушать подобные слова, но каково актеру Плятту, советскому гражданину 1945 году, их произносить? Его не может не возмутить чудовищный смысл этого «будто». Человек и художник в нем встают, и он говорит эту проклятую фразу с подлинным негодованием, лицо его искажено гримасой, а глаза сверкают злыми слезами. «Будто настоящий!» — вот откуда неистовая душевная боль этого человека, вот где источник внутреннего пафоса маленькой роли, которую играет Плятт. Актер изображает настоящего человека, восставшего против «будто настоящей» жизни. И восстание это порождено душевной болью. Не коснись лично тапера зло, он, может быть, ничего бы не заметил и жил попрежнему. Да и те-

Р. Плятт в роли тапера.
Рис. А. КОСТОМОЛОДКОГО.

перь он непрочь заглушить бурлящие в душе силы ядом иронии — это как иодовый раствор: больно жжет вначале, но потом успокаивает. Или может предаться «радостям бытия», ничего не видеть и не слышать, запрягать, точно страус, голову в тепленький песок, а самому приплясывать и беззаботно хлопать крыльшками? Тапер ударет по клавишам, раздаются браурные звуки из оперетты «Боканчио» — Жизнь весела, музыка играет, штандарт пляшет — всякому хочется «манже и буар», так бай же по струнам, колоти, кружись, вертись и радуйся! Тапер лихо играет, а у самого искажено злобой лицо. И пальцы цепенеют от ненависти к этим наглým звукам, и музыкант с таким ожесточением выколачивает аккорды, как будто физически хочет избить эту пошлую самодовольную музыку, все эти гремучие вальсы и кадрили-мэнстры.

Нет, он не может этого играть. Грустно и гнусно. Под ложечкой, точно мышь сидит и грызет казенные сухари. Душу так и саднит. Тапер гневно ударяет кула-

ком по столу. «Кто мы? — глухо кричит он, — все эти жалкие сверчки, знающие свой шесток. Погибшие души без огня, желчи, силы... без азарта. Сколько убитых начинаний, надежд и талантов!» Тапер приподнимается во весь свой огромный рост. Он сейчас большой и страшный. Однажды в жизни, но он все же почувствовал в себе и огонь, и желчь, и силу. И с иступленным азартом, до боли сжимая кулаки, он, задыхаясь, говорит: «Все это когда-то кипело, копошилось, парило в поднебесье, а теперь... чорт знает что!» Ему хочет отвернуться от этой пошлой загубленной жизни, но от нее не уйдешь. Эта жизнь и твоя собственная судьба. Сейчас ты ее увидел, увидел во всей зловещей неприглядности. Увидел не только эту жалкую комнату и разбитый инструмент, не только кунеческую гостиную и ее наглых обитателей, увидел всю, всю, всю свою жизнь. Случай с барышней, сам по себе незначительный, преврал обычный ход жизни, и человек очнулся, вырвался из тупого и покорного автоматизма дурно сложившейся жизни, огляделся, вокруг себя и содрогнулся.

Это трагическое озарение своего героя Р. Плятт играет с потрясающей силой — художник своим большим артистическим чувством верно угадал природу чеховского трагизма, когда событие, не заключающее в самом себе ничего трагического, выбивает человека из привычного хода заурядного существования и он внезапно созерцает свои прожитые годы, он будто приподнимается на маленький буторок и видит печальный и плоский ландшафт бессмысленно прожитой жизни. И тогда человеку есть от чего завзть и взмолиться, есть от чего возроптать.

Голос тапера уже не дрожит, фигура не сутулится, лицо не дергается в непрестанных улыбках, он говорит сильным грудным голосом, говорит горячо, властно, торжественно. И то, что доносилось из его груди отдаленным эхом, сейчас звучит во всю ширь и мощь. Он не знает слов для этого дивного, неведомого чувства, но слова ему и не нужны, — он музыкант. Руки ударяют по клавишам, и комнату заполняет знакомая мелодия Листа, она собирает в себя десятки созвучий и пассажей, точно горная река ручейки и струйки, и мы слышим уже могучую песню, в которой глухие стоны души переплетаются с воплем протеста — все это поет, расстел и ширится. Тапер самозабвенно играет — это его думы, страсти, муки, весь затаянный мир переживаний сейчас обретает гласность, и музыкант счастлив и горд — ему есть что сказать, есть чему научить! Пальцы с властной силой хозяйничают на клавиатуре, плечи тапера распрямилсь, голова откинута назад, глаза чуть прикрыты, лицо спокойное, строгое, величественное. Торжественные аккорды гремят все сильнее и вдохновенней, ибо из самого сердца человека льется песня, потому что, как песню, Плятт сыграл свою роль — песню, которая началась печальным стоном, потом росла и ширилась, вырвалась в страстный монолог и завершилась потрясающими звуками гениального Liebestraum.

Тапер все играл. Пальцы делали свое дело, но душевный запал был уже израсходован... В этом жалком существе лишь на миг блеснул порыв силы, а потом будет все так же мизерно и пошло. Вот уже лицо тапера задергалось, брови ползели наверх, щеки впали, точно человек их стал нарочно всасывать. И вдруг глухое рыдание оборвало музыку. Снова истерика!

Уронив голову на рояль, тапер лаврыд рыдал, — таким мы видели его в последний миг, и рядом неожиданно возник высокий человек во фраке, его умные глаза светились доброй улыбкой, казалось, он только что снял руку с вздрагивающей спины своего героя и, чуть наклонив голову, благодарил зал за восторженные аплодисменты.